

© 1990 г.

Ю. В. ЕМЕЛЬЯНОВ

ПОСЛЕДНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОГРАММЫ И ПРОГНОЗЫ ТРОЦКОГО

ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР.

Активный пересмотр многих положений в истории партии, отказ от сложившихся оценок партийных руководителей неизбежно ставит в повестку дня вопрос о необходимости выработки правильного представления о Л. Д. Троцком, занимавшем видное место в Октябрьской революции и сыгравшем крайне противоречивую роль в советской истории.

До середины 1917 г. Л. Д. Троцкий не был большевиком и вел активную политическую борьбу против В. И. Ленина и большевистской партии. Вступив в партию за несколько месяцев до Октябрьского переворота, он стал одним из крупнейших руководителей революции. Вскоре Л. Д. Троцкий своим авторитетом затмевает всех членов руководства партии кроме В. И. Ленина. Вероятно, если бы Л. Д. Троцкий был убит в результате покушения, которое произошло 30 августа 1918 г. (в день покушения на жизнь В. И. Ленина), его имя на долгие годы было бы окружено не меньшим уважением, чем имена М. С. Урицкого и М. М. Володарского, убитых в тот же день. Памятью о Троцком и его славе тех лет могла бы остаться песня, в которой содержалось обещание устроить «пожар мировой» и «церкви и тюрьмы» сравнять с землей и в припеве которой выражалась уверенность, что

С отрядом флотским
Товарищ Троцкий
Нас поведет в последний бой.

Однако Л. Д. Троцкий не пострадал в тот летний день 1918 г., а через несколько лет упоминание о флотском отряде с его вожаком было выброшено, и с тех пор хоры пели о том как

Все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

В партийной истории нет других примеров того, как человек со столь небольшим большевистским стажем, столь быстро достигал таких высот в руководстве партии. Не менее стремительным было и падение Л. Д. Троцкого. Хотя еще в апреле 1923 г. на XII съезде РКП (б) мно-

гие ораторы провозглашали в его честь здравицы, называя «великим вождем Красной армии», «стальным вождем пролетарской революции», быстро обострившиеся разногласия внутри руководства партии достигли такого накала, что Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев уже в декабре 1923 г. ставили вопрос о необходимости арестовать Л. Д. Троцкого, хотя он был тогда членом Политбюро и занимал пост руководителя Реввоенсовета республики [5, с. 266].

Несколько лет острых внутрипартийных дискуссий, в ходе которых Л. Д. Троцкий постоянно выступал против курса большинства ЦК, увенчались тем, что в конце 1927 г. он был исключен из ВКП(б) (вместе с Г. Е. Зиновьевым), а еще через два года, в 1929 г. выслан за пределы СССР.

Перемены в его положении отразились и на господствовавших в стране оценках Л. Д. Троцкого. В беседе с писателем Эмилом Людвигом, И. В. Сталин так охарактеризовал эволюцию отношения к Л. Д. Троцкому: «Троцкий... пользовался большим авторитетом, конечно, далеко не таким, как Плеханов. И что же? Как только он отошел от рабочих, его забыли.

Людвиг. Совсем забыли?

Сталин. Вспоминают иногда — со злобой.

Людвиг. Все со злобой?

Сталин. Что касается наших рабочих, то они вспоминают о Троцком со злобой, с раздражением, с ненавистью [2, с. 111].

Вряд ли немецкий писатель мог найти более необъективный источник для выяснения степени популярности Троцкого среди советских рабочих. Скорее всего эмоции, которые, по оценке И. В. Сталина, испытывали советские рабочие в отношении Л. Д. Троцкого, лучше характеризовали его собственное отношение к бывшему коллеге по Политбюро. Правда, нельзя сказать, что И. В. Сталин сильно преувеличивал, говоря об утрате Л. Д. Троцким своего авторитета в советской стране. Сокрушительные поражения оппозиции в открытых дискуссиях 20-х годов, концентрация критики руководства страны лично на Троцком не могли не сказаться и на падении его престижа.

Следует также отметить, что давняя личная неприязнь Сталина к

Троцкому была взаимна со времени их первой встречи в Вене в 1913 г.. Тому свидетельством многочисленные злые и оскорбительные высказывания Л. Д. Троцкого, в том числе собранные в его книге о Сталине [5].

Личные нападки двух руководителей друг на друга на политической арене способствовали тому, что разгром троцкизма увенчался созданием и постоянной пропагандой образа Л. Д. Троцкого как сверхзлодея из девятого круга дантова «Ада». Впоследствии это обстоятельство привело к ошибочному объяснению причин борьбы партии против троцкизма исключительно личной неприязнью И. В. Сталина к Л. Д. Троцкому.

Хотя этот фактор невероятно преувеличен, он сыграл свою роль. В свою очередь И. В. Сталин стремился создать впечатление, что личный момент в идейной борьбе против троцкизма отсутствует. В беседе с другим немецким писателем - Лионом Фейхтвангером - он имитировал объективное отношение к Л. Д. Троцкому. Л. Фейхтвангер даже объявил в своей книге, что в новой «Истории гражданской войны» будет опубликован портрет Троцкого. Однако подписчики «Истории» так и не дождалась этого необычного по тем временам события.

Зато во время пребывания Л. Фейхтвангера в Москве в январе-феврале 1937 г. газеты пестрели другого рода изображениями Троцкого.

В наполеоновской треуголке он восседал на странном чучеле лошади, под попоной которой виднелись сапоги японского и германского солдата. Пес, густо покрытый свастиками, с лицом Троцкого, прогуливался по лужайке под присмотром ээсовца. Фигура в немецком шлеме со свастикой стояла посреди лужи крови. Подпись под карикатурой гласила — «Иуда-Троцкий».

На долгие годы имя Иуда чуть ли не заменило Троцкому его настоящее имя в советской публицистике, посвященной истории партии. Несмотря на частое обращение к фамилии Троцкого и понятию «троцкизм», и о том, и о другом многие имели довольно туманное представление, хотя бы в силу невозможности ознакомиться с фактами его жизни и деятельности, читая вместо этого длинные перечни «предательств». Запреты на знакомство с биографией Л. Д. Троцкого и его трудами обосновывались так; раз Вы читаете троцкистскую литературу, значит вы заражаетесь троцкистскими взглядами, а, следовательно, становитесь их носителем и превращаетесь в троцкиста. Предполагалось также, что само знакомство с портретом Троцкого могло поколебать веру в основы нашего мировоззрения.

При всей абсурдности такой логики легкость, с которой ныне происходит смена оценок многих исторических лиц на прямо противоположные, свидетельствует о том, что часто для такой трансформации достаточно поверхностного знакомства с категоричными заявлениями в печати или на телевидении, даже если они совершенно не подкреплены фактами. Порой основанием для пересмотра оценки служат фотографии деятелей прошлого, которые выступают либо как свидетельство чистоты и искренности руководителя, с которого сняты абсурдные обвинения, либо как убедительное доказательство порочности лидера, вина которого в преступлениях неоспорима.

К сожалению, вместо глубокого анализа деятельности Л. Д. Троцкого и идеологии троцкизма поворот от полного запрета Троцкого к его «открытию» пошел по накатанной колее огульного превращения злодея в героя. В печати о Троцком стали вспоминать главным образом как о жертве террористического акта, в ряде выступлений распространялась идея о том, что он должен быть так же реабилитирован, как и многие жертвы беззаконий 30-х — начала 50-х годов. Эта мысль не нова. Требование политической реабилитации своего мужа выдвинула незадолго до смерти в 1961 г. его вдова — Седова в обращении к XXII съезду КПСС.

Приветствуя отказ от упрощенных негативных оценок любого политического деятеля, следует решительно возразить против такого демонтажа «образа врага», который сводится к механической замене знака минус на плюс в изображении политического лидера со сложной судьбой и противоречивой репутацией.

Чтобы выйти из порочного круга смены примитивных оценок, особенно в отношении такой неоднозначной фигуры как Л. Д. Троцкий, необходимо внимательное знакомство с его мировоззрением и практической работой. Следует учитывать, что троцкизм как идейно-политическое движение, сохранившись после смерти Л. Д. Троцкого, ныне имеет ряд международных центров, выступающих от имени созданного Троцким IV Интернационала. При всей своей малочисленности троцкистские партии и группировки чрезвычайно активны, располагают многочисленными средствами информации и оказывают существенное влияние на часть интеллигенции и студенчества в капиталистических странах.

Идейно-политическая платформа Л. Д. Троцкого и его последователей имеет значение не только для общественной жизни зарубежных стран. Поскольку Л. Д. Троцкий и троцкисты представили наиболее широкую критику советского общества и под лозунгами восстановления «истинного» марксизма-ленинизма, не прекращаются попытки доказать справедливость их выводов и необходимость осуществления социальных экспериментов в стране в соответствии с рецептами троцкизма. Об актуальности троцкистской альтернативы для нашей страны не раз заявляли советологи США и Англии, прежде всего сторонники И. Дейтчера и Э. Карра. Поскольку предложение о безоговорочной реабилитации Троцкого неразрывно связано с пропагандой идей троцкизма, попытаемся ознакомиться с ними в изложении самого Л. Д. Троцкого.

Место СССР в мировой революции с точки зрения Троцкого

Переоценка мировоззрения Л. Д. Троцкого требует анализа всего его жизненного пути и трудов. Не имея такой возможности, остановимся на его высказываниях последних лет, в которых суммируется оценка СССР и мирового развития. Наиболее полно это сделано в книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет?» [4]. Завершенная в начале августа 1936 г. и содержащая ряд дополнений, написанных осенью 1936 — весной 1937 гг., эта книга, по оценке активного пропагандиста троцкизма И. Дейтчера, «занимала особое место в литературном творчестве Троцкого. В своей последней книге он сумел по сути завершить свое политическое завещание» [4, с. 298]. Разбор программных положений этой книги позволяет лучше понять отношение Л. Д. Троцкого к Советской стране, его оценки международного положения, исходные моменты его политической философии.

Прежде всего, книга представляла собой ответ на многочисленные произведения видных писателей и общественных деятелей Запада с позиции симпатии к СССР, вызвавшие критику Л. Д. Троцкого по нескольким соображениям. Л. Д. Троцкий видел удовлетворение авторов (не являвшихся коммунистами) тем, что СССР занят мирным строительством и не готовит мировую революцию. Но именно эти обстоятельства вызывали раздражение Л. Д. Троцкого. Одобрение курса СССР заставляло Троцкого беспощадно обвинять «в глупости и нечестности» Леона Блюма и Романа Роллана, супругов Уэбб и Андре Жида, Анри Барбюса и Луи Фишера и всех, кого он называл «членами общества „Друзья Советского Союза"» [7, с. 10, с. 284-291].

Отмечая, что троцкистов обвиняли на Западе в провоцировании военной интервенции против СССР, (благодаря тому, что они своей беспощадной критикой показывали слабости советского строя потенциальному врагу), Л. Д. Троцкий отвергал эти обвинения главным образом с помощью демагогических приемов. Он заявлял: «Враг может воспользоваться слабой стороной рабочего государства, но никогда не использует критику тех тенденций, которые он считает сильными сторонами. Враждебное отношение к критике большинства официальных „друзей" на деле скрывает не их опасения по поводу слабости Советского Союза, а слабость их собственной симпатии к нему. Мы будем спокойно игнорировать все страхи и предупреждения такого рода» [7, с. 12].

Подмечая поверхностный характер многих «просоветских» публикации, Л. Д. Троцкий был прав. Явный крен в популяризации западными издательствами работ, написанных в конце 30-х годов с симпатией к

СССР (часто искренними друзьями нашей страны), не столько свидетельствовал о глубине анализа советской действительности, сколько о стремлении определенных влиятельных кругов Запада создать хороший образ страны, которая могла стать мощным союзником в условиях надвигающейся войны. Считать, что любое сочинение об СССР, популяризируемое на Западе, дает объективную картину нашей жизни, и игнорировать политические соображения мощных издательских и газетных империй, значит проявлять политическую наивность. Мнение о том, что нас ругают и хвалят на Западе в зависимости от наших реальных достоинств свидетельствует также о плохом знании истории.

Восторг журналистки Центрального телевидения во время передачи первомайской демонстрации 1989 г. по поводу благожелательного очерка об СССР в журнале «Тайм», в котором она видела лишь справедливое признание наших достоинств, прежде всего свидетельствовал об ее молодости. Мотивы, но которым этот орган печати, формирующий общественное мнение во многих странах мира с 3 марта 1923 г., то хвалил нашу страну, дважды провозглашая И. В. Сталина человеком года, то ругал, часто мало зависели от нашего поведения, но всегда определялись интересами журнала и тех общественных сил, с которыми он был связан.

Однако было бы неверным противопоставлять «необъективность» сочинений на Западе об СССР «объективности» Л. Д. Троцкого. Как и у влиятельных политических сил Запада, повернувшихся лицом к СССР по политическим мотивам в 30-х гг., у Л. Д. Троцкого и IV Интернационала была своя политическая заинтересованность в том, чтобы атаковать позитивное изображение нашей страны.

Образ Советского Союза, создаваемый Троцким, содержал черты и негативные, и позитивные. Однако этот портрет отражал не столько объективную реальность, сколько представления о нашей стране вождя IV Интернационала в рамках его концепции мировой революции. В соответствии с этой концепцией капитализм был обречен на скорую гибель под напором перманентной, то есть постоянной всемирной пролетарской революции, которая как пожар будет охватывать то одну, то другую страну мира. Наиболее последовательные, «правильные» революции должны были произойти в самых развитых странах капитала, т. к. там максимально развились внутренние противоречия общества. В менее развитых странах революции будут носить менее последовательный, менее «правильный» характер. Однако победа пролетариата в передовых странах поможет этим «неполноценным» революциям довести их до должного уровня.

Характеризуя успехи первых пятилеток, Л. Д. Троцкий отмечал: «Гигантские достижения в промышленности, многообещающие начала в сельском хозяйстве, чрезвычайный рост старых промышленных городов и строительство новых, быстрое увеличение числа рабочих, подъем культурного уровня и культурных потребностей — таковы несомненные результаты Октябрьской революции, в которой пророки старого мира старались увидеть могилу человеческой цивилизации» [7, с. 15—16]. Из этих и других замечаний Л. Д. Троцкого следует вывод о его несомненной вере в социалистическую революцию как единственный пути преодоления экономического отставания той или иной страны.

Указывая на то, что бурный рост советской экономики особенно заметен на фоне медленного темпа развития экономики капиталистических стран (с 1929 г. выпуск промышленной продукции Японии вырос на 40%, в США сократился на 25%, во Франции уменьшился на 30%, а в СССР увеличился в 3,5 раза), Л. Д. Троцкий реалистично оценивал сохраняв-

шее отставание советской экономики в главном - уровне производительности труда. Ссылаясь на статистические данные и соответствующие высказывания В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, он приводил многочисленные свидетельства неравномерности успехов советского производства, отставания в ряде существенных отраслей, низкого качества выпускаемой продукции [7, с. 14-15, 22-24, 46, 210].

Резко осуждая различные ошибки и просчеты в экономической политике, допущенные советским руководством с начала 20-х годов, Л. Д. Троцкий объяснял хозяйственное отставание СССР от передовых капиталистических стран прежде всего отсталой исходной базой социалистического строительства: «Историческая ответственность за это положение лежит, конечно, на черном и тяжелом прошлом России, его наследии темноты и бедности».

Подобное объяснение было не новым. Огульно отрицательное отношение к своему наследию характерно для подавляющей части революционеров России. Это в известной степени продолжало остро критическую традицию демократической интеллигенции России. К этому были основания. Консерватизм старого строя заставлял многих людей, стремившихся к насущным преобразованиям общества, предпринимать фронтальную атаку на все существовавшие формы общественной организации и выдвигать требования их коренной ломки и переделки. При этом под лозунгом «борьбы с бескультурьем страны» отрицалась значимость ее культурного наследия.

Старая культура многим представлялась лишь досадным препятствием на пути прогрессивного развития страны. Однако даже среди революционеров с характерным для них стремлением к ломке старой культуры, Л. Д. Троцкий отличался крайним нигилизмом в отношении российского культурного наследия. По оценке видного американского советолога Дж. Хафа, Л. Д. Троцкий «проявлял особое рвение в своем стремлении доказать ничтожность русского вклада в цивилизацию» [6, с. 112]. В написанной им истории Октябрьской революции Л. Д. Троцкий утверждал, что Россия «приговорена самой природой на долгую отсталость», что дореволюционная культура России «явилась лишь поверхностной имитацией высших западных моделей и ничего не внесла в сокровищницу человечества» [8, сс. 1, 484].

Любая попытка признать ценность русской культуры вызывала у него агрессивные нападки. Не случайно в середине 30-х годов он продолжал осуждать «консервативные вкусы» Ленина в искусстве, который, как известно, постоянно подчеркивал высокое значение лучших произведений русской классики и проявлял заботу об охране памятников российской культуры. Л. Д. Троцкий с насмешкой отмечал, что поощрение авангардизма в сфере культуры со стороны Луначарского «смущало Ленина» и вызывало у него «иронические замечания» [7, с. 172].

Почти все в истории России вызывало отвращение у Л. Д. Троцкого. Рассуждая об армии Суворова, он называл ее «армией феодальных рабов». Если он вспоминал о дореволюционном русском солдате, то для того, чтобы объявить о характерном для него «слепом стадном инстинкте» [7]. Правда, он не находил бранных слов говоря о Петре I; отмечал, что «осуществляя культурные преобразования, Советская власть в значительной степени продолжает историческую работу Петра I и его коллег в отношении старой Москвы, только с большим размахом и в более быстром темпе» [7, с. 164].

Такая оценка деятельности Петра I для человека, не скрывавшего

своей неприязни к самобытности России, была неслучайной. Только в кардинальном озападнении страны Л. Д. Троцкий видел возможность вывода ее на «правильный» путь мировой цивилизации. Он считал, что подготовительный этап, в течение которого советский строй будет «импортировать, занимать и осваивать культурные достижения Запада... займет целый исторический период» [7, с. 26—27].

Л. Д. Троцкий воспринимал культуру народов СССР как столь мало-значущую, что, говоря об их уровне развития, выделял на первый план знакомство «с простыми правилами гигиены». Он ссылаясь на какие-то сообщения о том, что лишь после революции население Горного Алтая научилось мыться, и сокрушался по поводу крайне низкого уровня культуры в этих и других «отсталых районах». В то же время он снисходительно признавал, что Октябрьская революция сыграла прогрессивную роль хотя бы потому, что способствовала распространению «готовых моделей гигиены» [7, с. 164—165].

Отрицая ценность и самобытность высокой культуры дореволюционной России, Л. Д. Троцкий с еще большим презрением отметал идею значительности и оригинальности советской культуры. В подражании советских людей стилю одежды и поведению Запада Л. Д. Троцкий видел неоспоримые преимущества западной цивилизации, которые еще долго предстояло осваивать Советскому Союзу [7, с. 165—166].

Экономическое строительство позволяло СССР по мнению Л. Д. Троцкого, в лучшем случае «укрепиться, продвинуться вперед, вооружиться и, когда необходимо, отступить и подождать, короче, выстоять». Однако, лишь «победа пролетариата на Западе немедленно и радикально изменит соотношение сил», утверждал он [7, с. 17]. Задержка же этой победы, или отступление европейского пролетариата, неизбежно привела бы к ослаблению позиций СССР. «Военная интервенция — это опасность. Но несравненно большую опасность представляет собой интервенция дешевых продуктов в товарных вагонах капиталистической армии», — подчеркивал Л. Д. Троцкий [7, с. 17].

Зависимость существования советского строя от внешнего окружения была связана, по его словам, с тем, что в начале революции «все расчеты делались исходя из надежды на раннюю революцию на Западе. Считалось самоочевидным, что германский пролетариат обеспечит Советскую Россию кредитами за счет будущих поставок продовольствия и сырья для приобретения машин и мануфактуры, а также десятками тысяч высокоспециализированных рабочих, инженеров и организаторов» [7, с. 29—30]. Видимо, победа западноевропейского пролетариата, на которую рассчитывал Л. Д. Троцкий в 1936-37 гг., должна была привести к реализации аналогичного плана.

И в 1918, и в 1936 г. русскому пролетариату было чему поучиться у германских рабочих, инженеров, организаторов производства. Да и ныне советским рабочим, техникам, инженерам можно многое позаимствовать у своих коллег из ГДР и ФРГ. Однако, как и в конце 80-х годов, и 50, и 70 лет назад вряд ли можно было ставить судьбу страны в зависимость от германской помощи, превращая трудящихся СССР лишь в учеников, оплачивающих поставками сырья свою учебу. Кроме того подчиненное положение СССР по отношению к передовой Европе могло стать источником лишь растущего антагонизма между народами и отнюдь не способствовало бы укреплению интернационализма.

Убеждение в том, что без европейских кредитов и наставников построение социализма в России немыслимо, а перспективы сохранения

революционного строя бесосновательны, не повергало Троцкого в отчаяние. Он писал: «Даже если Советский Союз, в результате внутренних трудностей, внешних ударов и ошибок руководства - развалится — для будущего останется неоспоримым, что лишь благодаря пролетарской революции отсталая страна менее чем за десять лет достигла успехов, беспримерных в истории» [7, с. 16]. Боевой и трудовой героизм советских людей, их лишения и страдания приобретали смысл лишь в качестве полезного социального эксперимента.

Л. Д. Троцкий вновь подтверждал свою приверженность платформе оппозиции 1927 г., в которой утверждалось, что хотя СССР должен строить социализм и «систематически сокращать расстояние, отделяющее его от остального мира в области производительности труда», главная цель строительства — «ускорить пролетарскую революцию в Европе». Тогда «эта революция обогатит нас мировой техникой, и чем более истинным будет социалистический характер нашего строительства, тем больше мы продвинемся вперед как часть европейского и мирового строительства» [7, с. 281].

Из этого следовало что как бы ни старались трудящиеся СССР (вряд ли они могли достичь еще более высоких темпов строительства), социализм в такой стране как Россия, по мнению Л. Д. Троцкого, был бы невозможен. И даже при избежании ошибок и просчетов нельзя было обогнать капиталистические страны по производительности труда. Из этого следовало также, что роль народов СССР в развитии мирового социализма была бы вспомогательной, подчиненной. Советская страна осталась бы всего лишь сырьевым придатком передовых стран социализма, а темпы продвижения зависели бы лишь от степени усвоения трудящимися СССР уроков, которые давали бы им передовые рабочие, инженеры, техники и «организаторы», прибывшие из Германии и других стран Европы. По этой логике при отсутствии революции на Западе борьба за выживание имела мало шансов на успех.

По Л. Д. Троцкому, социалистическая революция в СССР имела смысл лишь поскольку она способствовала успеху мировой революции. Хотя Л. Д. Троцкий не жалел эпитетов для обвинений в адрес рабочего класса различных стран и его партии в поражении революционных выступлений («паническое отступление Германской коммунистической партии в 1923 г.», «предательская ликвидация общей забастовки в Англии», «недостойное поведение Польской рабочей партии во время прихода к власти Пилсудского») [7, с. 91], но доказывал, что главная ответственность за задержку мировой революции лежит на «кремлевском руководстве». Как и в 1927 г., он через десять лет вновь возлагал на руководство РКП (б) вину за поражение китайской революции после переворота Чан Кайши. Он утверждал, что именно политика ВКП(б) в Китае развязала руки японскому империализму, а нерешительность ГКП (и советского руководства) привела в конечном счете к победе Гитлера [7, с. 92].

Политике "капитулянтства" Троцкий противопоставлял призыв к решительным действиям по разжиганию мирового революционного пожара. Он высмеивал заявление И. В. Сталина об отказе экспортировать революцию и приводил «попытку оказать помощь восставшему польскому пролетариату походом Красной Армии на Варшаву в 1920 году» в качестве примера для подражания, подтверждал свои заявления о «долге пролетариата тех стран, где победила революция, придти на помощь угнетенным и восставшим классам и не только с помощью идей, но, если возможно, с оружием в руках» [7, с. 193-104]. Л. Д. Троцкий отвергал все дейст-

вия советской дипломатии, направленные на обеспечение коллективной безопасности в Европе, предотвращение мировой войны. В этих действиях он видел лишь попытки закрепить существующий международный порядок («статус-кво»), который призывал «свергнуть», выступив под знаменем «социалистических Соединенных Штатов Европы» [7, с. 221].

Обвиняя советское руководство в предательстве мировой революции, Л. Д. Троцкий в то же время объяснял, что дальнейшая деградация ВКП(б) усугублялась поражениями пролетарских выступлений во всем мире. «Советская бюрократия — утверждал он, — становилась все более самоуверенной, по мере того, как все более тяжелые удары наносились по мировому рабочему классу... Лидеры бюрократии поощряли пролетарские поражения, поражения поощряли подъем бюрократии» [7, с. 91].

Отсутствию мировой революции, по мнению Л. Д. Троцкого, способствовали и процессы, происходившие в массовом сознании советских людей. «Классы, сформированные в варварских условиях царизма и отсталого капитализма», в том числе и «пролетариат, все еще отсталый во многих отношениях», не смогли долго выдержать напряжения революции. Усталость масс, «чрезвычайный взрыв надежд и доверия по отношению к мелкобуржуазным слоям города и деревни, вызванных к жизни нэпом», привели к ослаблению веры в мировую революцию. Настроения социальных слоев отразились и на социально-психологических переменах в руководстве страны. «На волне плебейской гордости поднялась „новая командная каста"». Л. Д. Троцкий утверждал, что хотя, опираясь на «передовых рабочих» СССР, «десятки тысяч революционных борцов сплотились вокруг знамени большевиков-ленинцев», бюрократия сумела погасить революционный порыв трудящихся масс [7, с. 90, 92].

Признав необходимость введения новой экономической политики, Л. Д. Троцкий напомнил, что уже с 1923 г. оппозиция, возглавляемая им, осудила курс партии в деревне, как стимулирующий развитие кулачества. Политика, проводившаяся руководством партии с того времени по мнению Л. Д. Троцкого, «задерживала индустриализацию, наносила удар по широким массам крестьян и способствовала росту самосознания мелкой буржуазии в городе и деревне; захвату ею многих низовых Советов, росту власти и самоуверенности бюрократии, растущему давлению на рабочих и полному подавлению партии и советской демократии». «Рост кулачества встревожил двух видных членов правящей группы Зиновьева и Каменева, которые ... со своими сторонниками присоединились к оппозиции 1923 года („троцкистам")» [7, с. 34]. В своем осуждении политики периода нэпа Л. Д. Троцкий подтвердил верность курсу оппозиции в 1923-1928 гг., когда она обвиняла партию в буржуазном перерождении и измене делу мировой революции.

Полностью осудив политику правительства в 1923-1928 гг.. Л. Д. Троцкий не одобрял и курса И. В. Сталина и его сторонников после отказа от нэпа. Он иронизировал по поводу того, как И. В. Сталин, высмеивавший планы «сверхиндустриализации», выдвинутые оппозицией в 1927 г., как нереалистичные, через год сам поддержал аналогичную программу ускоренного развития промышленности. Для такой иронии имелись основания. Серьезными были и своевременные предупреждения оппозиционеров о неоправдавшихся надеждах Сталина, Бухарина, Рыкова и других на саморегуляцию рынка, что привело к обострению хозяйственного положения в стране в 1928 г. Справедливыми были и критические замечания о методах, которыми осуществлялись планы ускоренной индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Л. Д. Троц-

кий отмечал разорение деревни и голод, спровоцированные методами сплошной коллективизации. Однако все последующие действия Советского руководства в 30-е годы, направленные на удовлетворение законных интересов крестьянства в личном хозяйстве путем закрепления права на приусадебные участки, Л. Д. Троцкий расценивал как недопустимые уступки интересам мелкой буржуазии [7, с. 126—127].

Прославившись в годы гражданской войны проведением курса на «расказачивание», Л. Д. Троцкий особо останавливается на вызвавших у него возмущение «уступках» казачеству. Используя любимое сторонниками национального и культурного геноцида клише о Вандее, которое и ныне активно применяется теми, кто сталкивается с упорным сопротивлением политике насильственного уничтожения самобытности, Л. Д. Троцкий утверждал, что «казаки... эти всадники степей» превращаются в инструмент репрессий, осуществляемых «привилегированными против угнетенных» [7, с. 210].

Все эти «уступки» Л. Д. Троцкий считал ненужными, поскольку речь шла о населении, в котором он видел лишь будущих солдат мировой революции, которые должны, освоив необходимые правила гигиены, содержаться в казарменных условиях, ожидая сигнала к бою. «Термидорианская» бюрократия сурово осуждалась за меры, предпринятые в 30-е годы по укреплению института семьи, который так упорно желали сокрушить ультрареволюционеры вроде Троцкого. «Революция предприняла героическое усилие разрушить так называемый „семейный очаг“ — этот архаический, затхлый, прогнивший институт», — утверждал Л. Д. Троцкий. Он огорчался, что работа не была доведена до конца. «К сожалению, — признавал он, — общество оказалось для этого слишком бедным и мало культурным». Справедливо отмечая недостатки в строительстве детских учреждений и сфере услуг, Л. Д. Троцкий переносил центр своей критики на «культ семьи», пропагандировавшийся в 30-х годах. Возмущаясь тем, что под лозунгом борьбы с леваческими искривлениями морали в вопросах семьи сталинское руководство отвергло «азбучные основы» коммунизма, Л. Д. Троцкий иронизировал над реставрацией седьмой заповеди («не прелюбодействуй») в моральном кодексе советского общества [7, с. 148].

Другой объект возмущения — то, что он назвал «реставрацией пятой заповеди» закона Моисея («чти отца своего»). «Забота об авторитете старшего поколения» вызывала тревогу у Л. Д. Троцкого. Противопоставляя интересы молодежи задачам преемственности поколений, он писал о ведении бюрократией «борьбы против молодежи» [7, с. 158]. В этой связи Троцкий беспокоится по поводу «перемены политики в отношении религии». «Отрицание бога, его помощи и его чудес было острейшим клином, который революционная власть вбила между детьми и родителями» [7, с. 272]. По мысли Л. Д. Троцкого, клин, отделивший молодежь от родителей и старшего поколения, должен был отколоть ее и от «переродившейся» власти. Это связывалось с решением важнейших политических задач, которые выдвигал Л. Д. Троцкий.

План новой революции: реальность или провокация?

Советская молодежь, которую Л. Д. Троцкий в свое время называл «барометром партии», должна была, по его представлениям, сыграть важную роль в борьбе против «термидорианского руководства». «Здоровым молодым легким, — писал Л. Д. Троцкий, — невыносимо дышать в атмо-

сфере лицемерия, неотделимой от термидора, от реакции, которая все еще вынуждена носить одежды революции. Вопиющий разрыв между социалистическими лозунгами и реальной жизнью подрывает веру в официальные каноны. Значительная прослойка молодежи гордится своим презрением к политике, своей грубостью и хулиганским поведением. Во многих случаях, а может быть и в большинстве, индифферентность и цинизм — это первоначальная форма недовольства и скрытого желания к самостоятельности. Исключения из комсомола и партии, арест и ссылка сотен тысяч молодых „белогвардейцев" и „оппортунистов", с одной стороны, и „большевиков-ленинцев", с другой, доказывает, что истоки сознательной политической оппозиции не иссякли... Наиболее нетерпеливые люди с горячей кровью, неуравновешенные, чьи интересы и чувства задеты, поворачивают свои мысли к террористическому мщению»,—так характеризовал Л. Д. Троцкий настроения советской молодежи середины 30-х годов [7, с. 273].

Это не похоже на официальные упрощенно-парадные описания. Видимо, Троцкий верно отмечал острую реакцию части молодежи на несоответствие между официальными заявлениями о заботе об интересах масс и отсутствием реального прогресса в решении насущных проблем, растущее социальное расслоение и недемократизм общественной жизни, противоречие между революционным идеалом и практической деятельностью многих руководителей.

Однако, вряд ли можно считать, что картина настроений молодежи, созданная Троцким, достаточно полно отражает состояние общественного сознания тех, кому в 1936—1937 гг. было 16—28 лет. Ведь это было поколение, подавляющая часть которого проявляла свою верность революционному идеалу не в презрении политике, хулиганском поведении, цинизме или террористических актах против руководителей страны. Свою преданность единству понятий Родины и социализма молодежь выражала в беззаветной поддержке страны Советов, социалистического Отечества. При всех недостатках многих людей этого поколения, с типичным для времени формирования их характеров категоричностью и ортодоксальностью в суждениях, склонностью к некритичной вере в авторитеты, они выражали верность революционному идеалу не столько в критике начальства, а в беспримерной требовательности к самим себе, в готовности к самоограничению и даже самопожертвованию.

Объявляя советскую молодежь 30-х годов носителем бунтарских настроений в обществе, Л. Д. Троцкий не только обнаруживал свою политическую близорукость. Его декларация могла превратить молодое поколение Советской страны в объект возможных политических интриг со стороны сил, стремившихся к свержению советского строя, в предмет усиленных подозрений со стороны бдительных, но не всегда мудрых руководителей партии, принадлежавших к более старшему поколению. Троцкий прямо ставил вопрос о том, что, встав в ряды движения за создание иной формы социализма, молодежь будет осуществлять новую революцию в стране. Объяснению «неизбежности новой революции» Троцкий посвятил целый раздел своей книги. Он подчеркивал, что «это не будет революцией, направленной на изменение экономических основ общества, замену некоторых форм собственности другими формами... Разумеется, свержение бонапартистской касты будет иметь глубокие социальные последствия, но само по себе это будет ограничено рамками политической революции»

[7, с. 274-275].

Трудно всерьез поверить в искренность намерений Троцкого вопло-

тить в жизнь те демократические лозунги, которыми он стремился поднять советский народ и, прежде всего, молодежь СССР, на борьбу против бюрократических методов правительства Сталина. Вся предыдущая деятельность Троцкого на государственных постах свидетельствовала о его приверженности методам администрирования и террора. Отмечая, что в период гражданской войны приказы председателя РВС республики «сверкали мрачными угрозами в адрес агентов белогвардейцев», Исаак Дейтчер отмечал, что, по мнению Л. Д. Троцкого, «угроза высшей меры наказания — это не серьезная угроза для боевых офицеров». Поэтому «Троцкий приказал подготовить списки семей белых офицеров, служивших в рядах РККА», с тем, чтобы «потенциальные предатели знали, что если они перебегут к врагу, их жены и дети останутся за линией фронта в качестве заложников» [3, с. 414]. Выяснив, что некоторые комиссары «не побеспокоились составить списки их семей», Троцкий писал, что «коммунистов, виновных в этом, следует расстреливать» [3, с. 426]. По приказу Троцкого были репрессированы многие советские командиры, в том числе такие выдающиеся военачальники, как Миронов и Думенко. Троцкий выражал недовольство расстрелом царской семьи в Екатеринбург исключительно потому, что он желал быть «главным обвинителем царя» в «революционном трибунале», подобно тому, как «судили Карла I и Людовика XVI». И. Дейтчер сожалел, что «мир был лишен самого драматического процесса, в котором Троцкий и царь стояли бы лицом к лицу» [3, с. 418].

Трудно себе представить, что лично олицетворяя крайние жестокости гражданской войны, Троцкий, никогда впоследствии не осуждавший свою деятельность тех лет, в 1937 г. возглавил бы движение страны к демократии, либерализации и гуманизму. В своей программе он призывал к «восстановлению профсоюзов». Трудно поверить, что это «восстановление» мог осуществить в демократическом духе человек, требовавший «огосударствления» профсоюзов.

Троцкий провозглашал «введение демократии в промышленности» в качестве цели революции. Однако именно ему принадлежит инициатива создания трудовых армий. Лишь туник, в который зашел «военный коммунизм», заставил Троцкого временно отказаться от своей программы милитаризации труда. Предвоенные и военные условия 30—40-х годов благоприятствовали возрождению дисциплинарных мер в экономике многих стран мира. Вероятно, победа Троцкого в 1937 г. ознаменовалась бы созданием новых трудовых армий, которые, возможно, были бы названы «армиями промышленной демократии».

В своей программе Троцкий обещал «свободное обсуждение экономических проблем». Он всегда полагал, что «массы» должны знать программу хозяйственного развития. Еще на IX съезде РКП (б) Троцкий указывал: «Необходимо показать широким массам хозяйственный план, па основании которого мы позволим нашему партийному и советскому аппарату мобилизацию широких трудящихся масс». Однако Троцкий предупреждал, что «мы не можем дожидаться, пока каждый крестьянин и каждая крестьянка поймет! Мы должны сегодня заставить каждого стать на то место, на котором он должен быть» [1, с. 114].

Что же касается российской интеллигенции, то Троцкий даже не задавался вопросом о ее праве участвовать в обсуждении экономических проблем страны. С его точки зрения это было так же бессмысленно как предоставлять право голоса станкам или кульманам. С трибуны IX съезда РКП (б) он провозглашал: «Как и в мертвые машины, так и в этих

техников, инженеров, врачей, учителей, вчерашних бывших офицеров, в них вложен наш народный национальный капитал, который мы обязаны эксплуатировать, использовать, если мы хотим вообще разрешить основные задачи, которые стоят перед нами» [1, с. 107].

Среди целей революции выдвигались такие: «радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся» и «жилье для рабочих». Однако план перехода к социализму, изложенный Троцким на IX съезде РКП (б), предусматривал удовлетворение социальных нужд трудящихся лишь на последнем, четвертом этапе социалистического строительства, которому должно было предшествовать многолетнее развитие тяжелой промышленности [1, с. 95]. Вряд ли следовало ожидать, что в канун мировой войны, когда советская оборонная промышленность существенно отставала по уровню вооружений от других стран мира, было реально осуществить поворот к удовлетворению социальных нужд трудящихся. Но и в 1937 г. Троцкий требовал соблюдать «лимиты строгой необходимости» для населения Советской страны.

От Троцкого менее всего можно было ожидать действий, направленных на решение насущных задач страны. Не случайно его программа обходила такие проблемы как восстановление законности, развитие сельского хозяйства, находившегося в тяжелом состоянии, межнациональные отношения, сочетание целей страны в целом и местных интересов. С помощью новой революции /Троцкий стремился восстановить примат мировой революции, который, по его мнению, был предан руководством ВКП(б), избравшим путь строительства социализма в одной стране.

«Антибюрократическая революция» в СССР позволила бы, по мнению Троцкого, превратить нашу страну в лагерь подготовки мировой революции. Главное требование программы звучало так: «внешняя политика вернется к традиции революционного интернационализма. Более чем когда-либо судьба Октябрьской революции связана с судьбой Европы и всего мира... Если ...пролетариат Западной Европы найдет дорогу к власти, то в истории Советского Союза откроется новая глава. Первая победа революции в Европе как электрический разряд пройдет через советские массы, выпрямит их, поднимет их дух независимости, пробудит традиции 1905 и 1917 годов, подорвет позиции бонапартистской бюрократии и придаст Четвертому Интернационалу не меньшее значение, чем Октябрьская революция имела для Третьего. Только так можно спасти рабочее государство и социалистическое будущее» [7, с. 273-274]. Эти завершающие слова книги четко определяли место, уготованное Троцким для Советского Союза: СССР изберет верный путь, если он подчинит свою судьбу ходу революционных событий в Европе. Этим задачам должен был послужить переворот, который покончил бы с «термидорианской» властью и вернул бы стране «истинный» социалистический облик. Л. Д. Троцкий заявлял, что внутри страны созрели мощные силы, готовые под руководством законспирированной политической партии выступить против существующего строя. Л. Д. Троцкий уверял, что «прекращение видимой политической борьбы» не означало «стабилизацию режима... Частые террористические акты против представителей власти имеют большое значение. Самым известным из них было убийство Кирова, умного и безжалостного ленинградского диктатора, типичного представителя своей корпорации... Как и в царское время, политические убийства являются безошибочным симптомом грозной атмосферы и предсказывают начало открытого политического кризиса» [7, с. 270].

Переворот должны были возглавить троцкисты. «Подготовить это

и встать во главе масс в подходящей исторической ситуации —такова задача советской секции IV Интернационала. Сегодня она еще слаба и загнана в подполье. Но нелегальное существование партии не означает, что она не существует. Только это — трудная форма существования».

Еще в октябре 1933 г. в «Бюллетене оппозиции» Троцкий объявил о невозможности борьбы внутри ВКП(б) и о необходимости создания новой партии. Заявляя о «слабости сталинизма», проявлявшейся в том, что «у него корни в рабочем классе и больше нигде», Троцкий считал, что лишившись этой поддержки, Сталин будет чрезвычайно уязвим. Однако Троцкий не предполагал вести кропотливую работу по переубеждению трудящихся. Произвольно объявляя своих сторонников передовой частью рабочего класса, он подчеркивал, что «не осталось нормальных конституционных путей для устранения правящей клики. Только сила может заставить бюрократию передать власть в руки пролетарского авангарда». Если же Сталин и его сторонники будут держаться за власть, «оппозиция устранил их с помощью полицейской операции» [4, с. 202—203]. Таким образом, Троцкий откровенно объявлял о своей готовности осуществить переворот против руководства, которое, по его же признанию, имело «корни... в рабочем классе», и захват власти самозванным «пролетарским авангардом».

На что мог рассчитывать Троцкий, неоднократно объявляя всему свету, что внутри Советского Союза сложилась революционная ситуация, что многие, в том числе члены комсомола и партии, стремятся к свержению существующего строя, а троцкисты готовы возглавить их борьбу против правительства Сталина? Он прекрасно отдавал себе отчет об обстановке, характерной для Советской страны с первых же дней ее существования, когда непрекращавшиеся нападения извне и постоянные внутренние заговоры заставляли искать врагов в каждом подозрительном человеке. Насколько легко можно убедить людей в том, что честные и преданные делу революции командиры являются тайными врагами, он отлично знал, отдав не один приказ о расстреле неугодных ему советских военачальников по фальсифицированным обвинениям.

Троцкий помнил, что в 20-е годы обстановка подозрительности разрядилась лишь отчасти. Разоблачения реальных заговорщиков «из-за кордона», включая знаменитый процесс над Савинковым, перемежались с фальсифицированными делами, вроде «шахтинского дела».

После ареста членов ряда оппозиционных группировок («рабочая правда», «рабочая группа»), в начале 20-х годов объектом репрессий становятся и члены партии. Аресты были произведены с единодушного одобрения всех членов Политбюро, включая Троцкого. В 1923 г. Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым впервые ставится вопрос о возможном аресте и самого Троцкого. Превращение бывших друзей в соперников, а соперничества — в борьбу не на жизнь, а на смерть — распространенное явление для общества в состоянии острого политического кризиса.

Свою борьбу против руководства партии апологет перманентной революции вел давно. На протяжении ряда лет он откровенно заявлял о готовности возглавить партию, отстаивал свою платформу как единственно правильную. Его сторонники вели защиту троцкистских идей в открытых дискуссиях.

Вместе с тем велась тайная работа троцкистской оппозиции. Члены партии — троцкисты, имевшие многолетний опыт подпольной работы,

в своей внутривнутрипартийной борьбе взяли на вооружение методы, которые они широко использовали в подготовке первой и второй русских революций. Уже с лета 1926 г. троцкисты вместе с другими членами Объединенной оппозиции организовывали тайные собрания. Сообщения о таких собраниях и подпольных типографиях троцкистов будоражили партию, что вынуждало порой студентов Москвы 20-х годов — сторонников партийного большинства подниматься по тревоге и одевать форму отрядов ЧОН (части особого назначения). Исключение троцкистов из партии, изгнание Троцкого из СССР не прекратило их явной и тайной оппозиционной деятельности.

При поддержке этих сил Троцкий уже к июлю 1920 г. начал издавать «Бюллетень оппозиции», превратившийся в трибуну яростных нападок на советское правительство. «Бюллетень» нелегально доставлялся в Москву. По свидетельству П. Дейтчера, «вплоть до конца 1932 года Троцкий поддерживал контакт со своими последователями в Советском Союзе, получал письма и бюллетени из многих мест ссылки и тюрем» [И. с. 84, 89. 165. 277. 278].

Хотя подлинный размах деятельности сторонников Л. Д. Троцкого внутри СССР определить трудно, несомненно одно: даже если троцкисты были слабы и малочисленны, именно они признавались наиболее опасными внутренними врагами, ибо представляли собой наиболее реальную альтернативу руководству страны. По словам И. Дейтчера, к 1936 г. «троцкизм», даже не являясь организованной партией, как «настроение; традиция и знамя» был по-прежнему жив. И Сталин, и Троцкий знали, что при благоприятных условиях «настроение и традиция» могут легко превратиться в партию [4. с. 329].

Атмосфера всеобщей подозрительности особенно сгустилась в стране после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Тот факт, что Троцкий открыто выражал удовлетворение по поводу убийства популярного руководителя страны, лишь усиливало уверенность в том, что троцкисты направляли руку Николаева. Арест и осуждение Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других в начале 1935 г. по сфабрикованным обвинениям ясно показывали Троцкому размеры подозрительности, беззаконий и возможные перспективы дальнейшего нагнетания обстановки.

Заявления Троцкого, который почти полтора десятка лет воспринимался руководителями Советской страны как главный руководитель заговора по подготовке государственного переворота, не могли не вызвать смутнения, еще большего, чем тот взрыв подозрительности, который наблюдался среди республиканцев Испании после заявления генерала Э. Мола 1 октября 1936 г. о том, что в Мадриде находится тайная «пятая колонна» мятежников. Уверенность, с которой вождь IV Интернационала объявлял о неминуемом выступлении троцкистов против правительства, даже после расстрела Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева и других, обвиненных в связях с ним, должна была накалить обстановку подозрений до предела. Чистка внутри НКВД, начавшаяся после процесса над Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым и другими, свидетельствовала, что в руководстве партии господствовали именно такие настроения. Судя по известной телеграмме И. В. Сталина и А. А. Жданова, посланной из Сочи в Москву 25 сентября 1936 г., они считали прежний состав Наркомата «неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок».

Безумное рвение Н. И. Ежова и его сотрудников в поисках и «разоблачении» все новых и новых «троцкистов» и «троцкистских центров» трудно объяснить только их личной жестокостью и жадной орденов.

Вероятно, над ними довлел страх оставить ненароком на свободе солдат тайной армии Троцкого, о боеготовности которой так уверенно объявлял ее командарм. Разумеется, это ни в какой степени не оправдывало беззаконий, совершенных властями в те годы. Именно атмосфера массового произвола создавала благоприятную почву для бесчеловечных интриг и грандиозных провокаций.

Последующие заявления Троцкого могли лишь способствовать разжиганию панических настроений. В своих публичных выступлениях весной 1937 г. он разоблачал явно фальсифицированные показания обвиняемых на процессах 1936—1937 гг., доказывал несостоятельность обвинения о встречах участников процесса по делу Пятакова, Радека с ним и его сыном. Однако прежние публикации и новая книга, вышедшая в 1937 г., предупреждали о готовности тайной организации троцкистов осуществить переворот в стране. Когда из-за океана Троцкий заявлял, что его законспирированных сторонников еще не поймали, это лишь возбуждало недоверие руководства страны к органам безопасности, их можно было заподозрить в том, что подсовывая грубые фальшивки, они пытались скрыть тайных врагов. Это вызывало еще большее рвение работников НКВД в поисках троцкистов.

Подсказывая руководству страны, что враги находятся внутри партии и комсомола, Троцкий провоцировал широкие репрессии, которые должны были ударить по наиболее преданным и активным членам общества. Став жертвами, они исключались из активной практической деятельности. Направляя же удар на молодежь, Троцкий мог вызвать настоящую войну поколений, пытаясь превратить советских юношей и девушек в смертельных врагов существовавшего строя.

Возникает вопрос, не пострадали ли бы в этом случае сторонники Троцкого, которых он рассматривал как авангард будущей революции? Несколько ранее Троцкий признавал, что его старых единомышленников оставалось все меньше и меньше. После покаяний Х. Г. Раковского в февралье 1934 г. Троцкий писал: «Раковский был последней связью со старым революционным прошлым. После его капитуляции никого не осталось» [4, с. 278]. В то же время к 1936 году Троцкий был исполнен оптимизма по поводу перспектив своего влияния на умонастроения в СССР.

Сведения об исключении 10 тыс. троцкистов из московской партийной организации, которые огласил первый секретарь МК и МГК ВКП(б) Н. С. Хрущев в докладе 30 декабря 1935 г., как ни парадоксально, обрадовали Троцкого. В «Бюллетене оппозиции» он писал: «Среди 10-20 тысяч „троцкистов“, исключенных за последние месяцы, не более нескольких десятков, а возможно нескольких сотен... людей старого поколения, оппозиционеров образца 1923-28 годов. Масса состоит из новобранцев» [4, с. 328-329]. Эта реакция Троцкого раскрывает полное отсутствие у него обычной человеческой способности к сочувствию бедам других людей, крайнюю безжалостность вождя IV Интернационала. Разумеется, ему было приятно узнать, что после нескольких лет преследования троцкизма, идеи которого в 1927 г. разделяли во всей стране 4-о тыс. человек, ныне лишь в Москве объединили, по крайней мере, 10 тыс. коммунистов. Однако он узнавал об этом в связи с сообщением об изгнании своих сторонников из партии. Троцкий понимал, что эти люди, их семьи станут жертвами жестоких репрессий. Его реакция? Он радовался!

Конечно, Троцкий давал себе отчет, что сведения о столь большом

количество «троцкистов» весьма преувеличены, что ярлык «троцкист» использовался весьма произвольно Н. С. Хрущевым и другими. Но это не ослабляло его оптимизма. Причины «радости» Троцкого И. Дейтчер объяснял так: «В течение десяти лет Сталин держал троцкистов за решеткой и колючей проволокой... и почти добился изоляции их от общества. Казалось, что к 1934 году троцкизм был выкорчеван. Однако через 2—3 года Сталин боялся его больше прежнего. Парадоксальным образом, большие чистки и массовые высылки, которые прошли после убийства Кирова, дали новую жизнь троцкизму. Окруженные десятками и сотнями тысяч новых изгнанников, троцкисты больше не чувствовали себя изолированными. К ним присоединилась масса капитулянтов, которые с огорчением признавали, что дела не дошли бы до такого состояния, если бы они держались вместе с троцкистами. Оппозиционеры более молодого возраста, комсомольцы, которые повернули против Сталина много позже после разгрома троцкизма, „уклонисты" различного вида, обычные рабочие, высланные за мелкие нарушения трудовой дисциплины, недовольные и ворчуны, которые начали политически мыслить лишь за колючей проволокой — все они образовали огромную новую аудиторию для троцкистских ветеранов... Лагерь вновь становился школами и полигонами оппозиции, в которых троцкисты были бесспорными наставниками... Хорошо организованные, дисциплинированные и хорошо информированные в политическом отношении, они были настоящей элитой того большого слоя нации, который был брошен за колючую проволоку» [4, с. 413-414].

Словно следуя логике Ветхого завета, троцкисты должны были провести своих новых последователей через муки и вывести их из плена для созидания нового счастливого общества. В 1938 г. в «Бюллетене оппозиции» Л. Д. Троцкий предрекал свержение Сталина и суд над ним: «Монументы, которые он воздвиг себе, будут свергнуты... А победоносный рабочий класс пересмотрит все процессы, публичные и тайные, и воздвигнет памятники несчастным жертвам сталинского злодейства и позора на площадях освобожденного Советского Союза» [4, с. 413]. Разумеется, число жертв, которым затем воздвигались памятники, значительно возросло благодаря репрессиям, вызвавшим радостные чувства у Троцкого. Для того чтобы пойти на провоцирование таких жестоких событий, надо было испытывать глубокое безразличие к судьбам страны. Многие факты о деятельности Троцкого и его отношении к России свидетельствуют о том, что он обладал такими качествами сполна.

Итак перемолотые лагерями члены партии и комсомола, молодежь страны должны были, по расчетам Троцкого, пройти в заключении идейную школу троцкизма, превратившись в преданных солдат сначала антибюрократической, а затем мировой революции. Вот какие цели скрывались за лозунгами «восстановления советской демократии». И в демагогичности программы Троцкого, и в циничной жестокости его истинных целей проявлялось мышление политического авантюриста, стремившегося навязать миру свои правила игры даже ценой миллионов жертв.

Несостоятельный пророк

Порочность планов Троцкого доказала история. Если провокационное заявление генерала Э. Мола 1 октября 1936 г. следует рассматривать в контексте победы мятежников над Испанской республикой, ослабленной и внешним противником, и внутренними распрями, то грозные преду-

преждения Троцкого о неминувости падения режима Сталина не увенчались подобным результатом. Даже огромный ущерб, понесенный страной от многочисленных необоснованных репрессий 1936-1938 гг. во время «искоренения тайного троцкистского подполья», не привел к краху того, что Л. Д. Троцкий именовал «термидорианским» режимом. Расчет на неизбежное выступление трудящихся страны и, прежде всего, молодежи под лозунгами восстановления "истинного" социализма и иод водительством IV Интернационала провалился. Впрочем, это не было единственным неудачным прогнозом Л. Д. Троцкого, хотя он высоко оценивал свои способности к прогнозированию, утверждая, что он и (его сторонники «предложили гораздо более правильный анализ процессов, происходящих в стране, и гораздо более правильно предвидели их будущее развитие» [7, с. 87], а Й. Дентчер даже включил слово «пророк» в название каждой из трех своих книг, посвященных Троцкому. Эти претензии на пророчество, умение верно предвидеть будущее можно легко проверить, сравнив прогнозы Троцкого, сделанные им в 1936—1937 гг., и их реализацию.

Вот один из политических прогнозов Троцкого, сделанных им в своей книге: «Трудно сомневаться в том, что военное поражение окажется фатальным не только для советской правящей прослойки, но и для социальных основ Советского Союза... Под влиянием острой нужды государства в предметах первой необходимости индивидуалистические тенденции крестьянской экономики получают существенную поддержку, и центробежные силы внутри колхозов будут возрастать с каждым месяцем... В раскаленной атмосфере войны мы можем ожидать привлечения иностранного капитала союзников, нарушения монополии иностранной торговли, ослабления государственного контроля над трестами, обострения соперничества между трестами, конфликты между трестами и рабочими... Другими словами, в случае долгой войны, если мировой пролетариат останется пассивным, внутренние социальные противоречия в Советском Союзе не только могут, но и должны привести к буржуазной бонапартистской контрреволюции».

«Если война будет лишь войной, поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном смысле империализм несравненно сильнее. Если империализм не будет парализован революцией на Западе, он сметет режим, который был порожден Октябрьской революцией» (7, с. 215-217).

Жизнь опровергла прогноз «пророка». Несмотря на тяжелые человеческие потери, огромный ущерб, нанесенный хозяйству страны, ее экономическая, социальная и политическая структура выдержала испытания. Военная и экономическая помощь союзников не привела к подрыву позиций социалистического государства в экономике.

Не оправдались и другие «предвидения» Троцкого. Оказались необоснованными его надежды на развал японской империи под влиянием выступлений внутри Японии, Кореи и Маньчжурии. Ошибся Троцкий и в своем неверии в возможность военной коалиции СССР с капиталистическими странами [7, с. 219]. Неверен и следующий прогноз: «Поражение Германии в войне против Советского Союза неизбежно привело бы к крушению не только Гитлера, но и капиталистической системы» [7, с. 215].

Неудачные «пророчества» Троцкого лишь подтвердили, насколько нелепы были его представления о внутреннем положении Советской страны и ее роли на международной арене. Ослепленный национальным ниги-

лизмом и своей верой в примат мировой революции, он но мог даже вообразить, что СССР практически в одиночку одержит победу над силами гитлеровской коалиции. Несостоятельность прогнозов последствий войны для СССР доказывает полное непонимание советского строя, его возможностей и воли советских людей к сопротивлению захватчикам.

Знакомство с наиболее значительным произведением Л. Д. Троцкого [7] последних лет его жизни не может привести к однозначным выводам.

С одной стороны, автор высказывает трезвые замечания в отношении Советской страны, справедливость которых была признана у нас лишь через пять десятилетий. Бюрократизация общества, социальное неравенство, недемократичность — все эти явления советского строя были подвергнуты острой и язвительной критике. При этом Троцкий выступал не только против официального мнения СССР, но и против господствовавших во многих странах Запада оценок Советского Союза.

С другой стороны, «Преданная революция» свидетельствует, что в качестве альтернативы жестким методам управления тех лет предлагалась программа превращения советских людей в пешек на шахматном поле мировой революции, принесения Советской страны в жертву великой авантюре. Ради этой цели Троцкий не задумываясь шел на провоцирование кампаний репрессий против членов партии, комсомольцев, молодежи.

Анализ книги Троцкого не только дает представление о порочности его концепции советского общества и мирового развития, но и во многом объясняет причины его политического поражения. Выдающиеся достижения советского народа в мирном строительстве, его победа в Великой Отечественной войне показали, что какие бы беззакония не совершались руководством, страна имела большой потенциал здоровых сил, который остановил приход к власти деятеля, открыто выдвигавшего программу полного подчинения интересов народов СССР авантюристическим расчетам на пожар мировой революции. Для трудящихся масс, для членов партии уже с конца 20-х годов стало понятно, что программа Троцкого порочна и губительна для страны. Неспособность и нежелание Л. Д. Троцкого и его единомышленников осознать свое политическое банкротство вели их к провоцированию безжалостных экспериментов сталинского руководства. «Политическое завещание» Троцкого — яркое свидетельство идейного туника политического авантюризма, несущего под прикрытием «революционной» демагогии бесчисленные жертвы и разрушение Советской стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. IX съезд РКП (б). Март-апрель 1920 г. М.: Госполитиздат, 1960.
2. *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13, М.: Госполитиздат, 1951.
3. *Deutscher I.* The Prophet. Armed. Trotsky: 1879-1921. Oxford University Press, 1987.
4. *Deutscher I.* The Prothet Outcast. Trotsky: 1929-1940. Oxford University Press, 1987.
5. *Deutseker I.* Stalin. London: Penquin Books, 1968.
6. *Hough J.* How the Soviet Union is Governed. Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1979.
7. *Trotsky L.* The Revolution Betrayed. What is the Soviet. Union and Where is it going? London: Farber and Farber, 1937.
8. *Trotsky L.* The Russian Revolution. N. Y.: Ballantine Books. 1959.
9. *Trotsky L.* Stalin. N. Y.: W. W. Norton and Company, 1946.